

КОРРЕСПОНДЕНТ «ВП» ПОБЫВАЛ НА ПРОШЕДШЕМ В ПЕТЕРБУРГЕ ТВОРЧЕСКОМ ВЕЧЕРЕ АВТОРА «ЁЖИКА В ТУМАНЕ» И «СКАЗКИ СКАЗОК»

Фильмы Юрия Норштейна знают во всем мире. «Лису и зайца» — историю, в которой, как говорит сам автор, «выражен гоголевский мотив оскорбленного невинного существа». «Журавля и цаплю» — притчу о несостоявшемся человеческом счастье. «Сказку сказок» — историю об ощущении близости и родства всего живого. Конечно, «Ёжика в тумане» — пронзительный рассказ о первом соприкосновении с тайнами бытия, признанный кино-критиками разных стран лучшим мультфильмом всех времен и народов (о котором на прошедшей встрече Юрий Борисович условился не говорить: «Сколько можно...»).

Юрий НОРШТЕЙН:

Простота — это самое сложное

— Юрий Борисович, вы признанный гений мультипликации. А бывало ли так, что у вас не получалось что-то?

— Каждый раз, как начинаю делать что-то новое, не получается. Иногда кажется — все, кошмар. Я ничего не знаю, ничего не понимаю, и зачем я вообще ввязался в это дело мультипликации! И вдруг возникает некий штришок, и он становится зигзагом, который приводит тебя к нужному. В свое время — это было начало 70-х годов — мы с моей женой Франческой (Франческа Ярубцова — художник и аниматор, соавтор всех основных работ Юрия Норштейна. — Прим. авт.) взялись делать фильм «Лиса и заяц». Я предложил: «Давайте сделаем какую-нибудь простую русскую сказку». И когда началась работа — понял: как это непросто! Как эта самая простота оттреплет тебя «по самое не могу». Простота только внешне простая. Но как только ты клюешь на нее — ты попадаешь в западню. Очень сложно найти столь же ясное ее воплощение. Когда мы начали делать фильм, у нас ничего не получалось, что называется — ни в зуб ногой! Мы придумывали эскизы, и все оказывалось не то, не то. Пора было сдавать их художественной комиссии, а у нас ничего не выходит. Ответ мы нашли в русском народном творчестве. Мне случайно попалась книга художницы 30-х годов Татьяны Мавриной о народной живописи — росписи прялок, шкафов, предметов утвари. Мы побежали в исторический музей, а там поленицы этих прялок, и поняли — да, вот оно.

— А как пришла идея сделать следующий мультфильм — про журавля и цаплю?

— Сказку «Журавль и цапля» в пересказе Владимира Даля я читал своим детям на ночь. Читал взахлеб! Мне и самому

ДОСЬЕ

Юрий Борисович Норштейн родился 15 сентября 1941 года в селе Андреевка Пензенской области. Его отец работал наладчиком деревообрабатывающих станков. Мать — воспитательницей в детском саду. Вырос в Москве, в Марьиной Роще. Безуспешно пытался поступить в художественные учебные заведения. После прочтения сочинений Эйзенштейна заболел режиссурой. Окончил двухгодичные курсы мультипликаторов. В 1961-м начал работать на «Союзмультфильме», где трудится до сих пор.

ее хотелось читать. Это просто замечательное творение. И стиль, и речь, и ритм. Если режиссуре учиться, то надо брать именно такие народные произведения. Или авторов, которые сами представители словесного народного творчества, как, например, Борис Шергин — колоссальное явление русской литературы XX века. И вот, во время чтения, я говорю Франческа: «Надо делать это кино». Тем более это ведь и очень серьезная история. Ее поэтика совпадает с чеховской. Потому что вся чеховская поэзия пронизана этой невозможностью счастья. Вот оно, счастье, казалось бы, рядом, самая малость отделяет! А эта малость оказывается громадой, и в эту малость умещаются человеческие судьбы. Все мои произведения, собственно, об этом — о тонкости психологических изменений, происходящих с человеком.

— Ваши фильмы исполнены в скудных цветах и тонах — почему?

— Это опять же к вопросу простоты. Когда начинаешь декоративно украшать изображение, ты попадаешь в то, что в религии называется прелестью. Оказываешься в обстоятельствах лукавых. Когда мы с Франческой обсуждали создание того же

— В анонсе нашей сегодняшней встречи на телевидении сказали: «Юрий Норштейн расскажет о своих учителях — Микеланджело, Ван Гоге, Репине». Я это послушал, и мне показалось, что в этом есть что-то хлестаковское — «Ну что, брат Пушкин!...». Безусловно, это очень значимые для меня величины. Но самые большие учителя для меня — это мои внуки и вообще дети.

«Журавля и цаплю», пришло решение, что это должно быть почти бесцветно, легкая линия во всем, за исключением нескольких моментов (я даже договорился до того, что попросил Франю взять в левую руку карандаш)! Вообще к вопросу декоративности: когда вы ходите в музеи — ради бога, не смотрите на внешние атрибуты, на этот лоск. Есть то, что гораздо более ценно! Та глубина живописная, которая открывает более тонкие истины, чем просто внешнее правдоподобие.

— А что бы вы могли сказать по поводу «Шинели»? Есть ли там какие-то особенности, открытия?

— Когда мы начали делать «Шинель» (произведение, над которым Юрий Норштейн работает с 1981 года и которое до сих пор не окончено. — Прим. авт.), я попросил Франческу нарисовать портрет Акакия Акакиевича

в минимальном размере. Это был эксперимент. А получилось открытие! Когда ты рисуешь в малом размере, внимание увеличивается с невероятной интенсивностью. Ты просто погружаешься в эту точку. Рука двигается более точно, чем если бы ты рисовал большую голову, любовался штрихами и так далее. И когда потом увеличиваешь это изображение — появляются случайные штрихи, которые вдруг становятся яркими обозначениями состояния. Скажу в противоречие Блоку: «Увидишь случайные черты — и ни в коем случае их не стирай!» Момент случайности — он ведь не случаен. Когда появился наш крохотный портрет Акакия Акакиевича и мы начали увеличивать его, то увидели эти «случайные» черты, которые обозначили персонажа с гораздо большей остротой, чем если бы нарисовали его в размере! Психика видит больше, чем глаз и пальцы.

— Большинство художников делают сегодня мультфильмы на компьютере. Как вы относитесь к такому виду искусства? Сами не собираетесь перейти на компьютерную анимацию?

— Не собираюсь. Мой экран — это лист бумаги, а мышка — пинцет, которым я передвигаю своих рисованных героев. Говорят, на компьютере можно сделать все в два притопа — три прихлопа. Вероятно. Но там нет тех обертонов, без которых искусство не может жить. Тех самых неожиданностей, которые ты сам даже не предполагаешь. Той тайны, которую не способен сотворить компьютер, а способен только человек — его руки и сердце.

Записал Сергей ПРУДНИКОВ

«Ёжик в тумане».

«Сказка сказок».

«Журавль и цапля».